

Дмитрий Бобышев:

Мне скучно без Бродского...

В новом литературном клубе «ВООКафе» прошла презентация книги Дмитрия Бобышева «Я здесь. Человекотекст», выпущенной издательством «Вагриус»

Беседовал Игорь Шевелев

Книге предшествовали публикации в периодических изданиях, в том числе и во «Времени МН», из которой, кстати, по словам автора, он узнал, прочитав ее по Интернету, что книга действительно, к его удивлению, выйдет, и достаточно скоро.

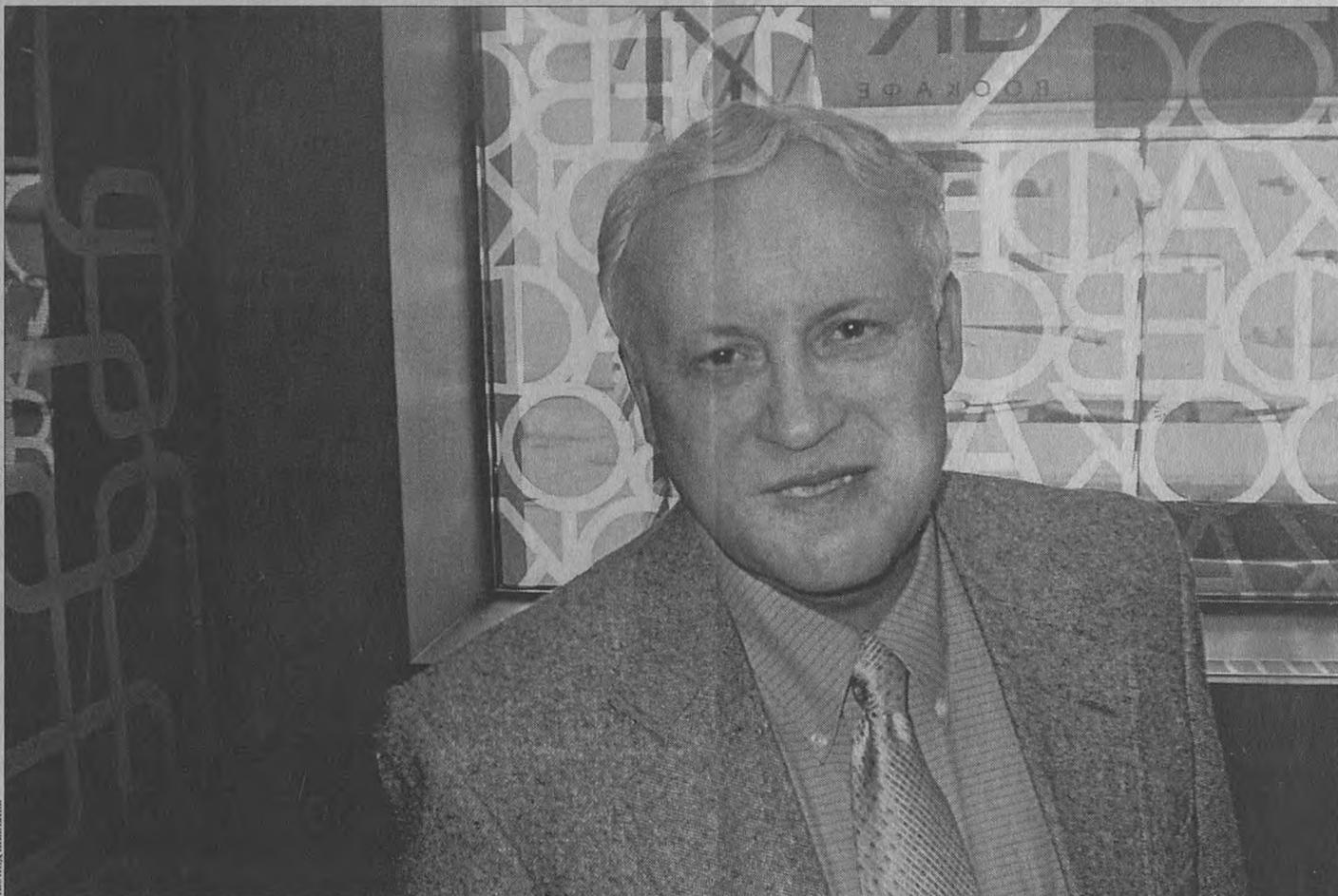
Сомнения его, возможно, были связаны с тем, что пишет он на самую, наверное, «горячую» после дуэли Пушкина с Данте-сом «литературно-любовную» тему — о «треугольнике», связанном с личной драмой Иосифа Бродского и оказавшем огромное влияние на творчество нобелевского лауреата. Достаточно посмотреть по собранию сочинений Бродского, сколько его стихов посвящено «М. Б.»

Оказавшись одной из вершин этого любовного треугольника, Дмитрий Бобышев отнюдь не собирается выступать в роли оправдывающегося. Глубочайший жизненный спор продолжается на страницах книги с ревнивым ожесточением. Достаточно взглянуть на последнюю страницу книги, где автор пишет о затеянной к 300-летию Петербурга кампании по установке памятника Иосифу Бродскому. И это в то время, пишет Бобышев, когда в Питере нет памятников Блоку, Мандельштаму, Ахматовой, Клюеву, Есенину, Вяч. Иванову... И вдруг Бродский становится впереди всех. И памятник Анны Ахматовой говорит ему: «Извините, Иосиф Александрович, вас тут не стоило!».

Ирония, шутка, самоирония? Не думаю. Во всяком случае, не только.

Понятно, что написанная на таком накале страстей книга будет прочитана с особым интересом. Тем более что она прежде всего не только и не столько о взаимоотношениях «ахматовских сирот», сколько о самом времени — о необыкновенном питерском пятнадцатилетии: 1956—1971. И, по уверению автора, это всего лишь первая часть задуманной им автобиографической трилогии.

Замечательное совпадение, что во время краткого визита в Москву Дмитрия Бобышева, который ныне живет в США и является профессором литературы в одном из тамошних университетов, в издательстве «Новое литературное обозрение» вышел сборник избранных его стихов «Знакомства слов». Кстати, и в клубе «Авторник» состоялся вчера вечером творческий вечер поэта, связанный с выходом сборника. «Бывали дни большой просторной жизни... А может, у святого Себастьяна под ребрами торчат чужие взоры? Но оставайся ты моей сестрой».

ИГОРЬ ШЕВЕЛЕВ

Во время презентации в «ВООКафе» Дмитрий Бобышев ответил на несколько вопросов обозревателя «Времени МН».

— Дмитрий Васильевич, не боитесь скандала в связи с выходом вашей книги? Все-таки многие герои ее еще живы и имеют свой взгляд на описываемые вами события.

— Я очень благодарен издательству «Вагриус» и моим редакторам, которые оказались достаточно прозорливы, чтобы понять, что в этой книге, наверное, все-таки есть что-то и помимо скандала. Что касается ревности и связанных с нею мотивов, то я советую читателям просто вникнуть в написанный мною текст, который и есть, на самом деле писательская жизнь, ничего больше.

— Был ли у вас дневник, записи, современные описываемым вами событиями, или вы даете оценки, исходя из сегодняшнего взгляда на них?

— Систематически я дневника не вел, но записи отдельных эпизодов были. Но дело не в них. Меня захватил сам процесс воспоминания. То, что содержится в моей любимой книге «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста. Помните это бисквитное печенье, которое автор окунает в чай, возвращая прошлое? Я следовал этому правилу: вспоминать о том, как я воспринимал тогда факты, но при этом видеть их из сегодняшнего дня в случившемся развитии. То есть для тог-

«Тогдашний и теперешний — нас двое»...

дашнего себя я выступаю человеком из будущего. Помню, как хлопотами и стараниями Анатолия Наймана в Париже вышла книга «Памяти Ахматовой». Там были стихи Наймана, «Сретение» Иосифа Бродского, мои «Траурные октавы». И вот среди этих «Траурных октав» была одна, которая как бы отвечает на ваш вопрос: «Тогдашний и теперешний — нас двое. И, горькая двойная благодать, — я вижу вас, и я всплываю вспять сквозь этих слез в рыдание былое». Вот и эту книгу писали двое — тогдашний и теперешний.

— Биографически вы разошлись с Бродским в середине 60-х годов. Как вы воспринимали его поэтическое развитие в течение последующих тридцати лет, чем оно для вас было?

— Да, я хотел бы сказать об этом. Знаете, несмотря на явное соперничество, которое не только я к нему испытывал, но и он ко мне, я, быть может, больше всех скучаю — называю это так — по тому, что его нет. Его присутствие заставляло меня быть в форме. Это была конкуренция, что ли, не знаю. Без него словно ослабилось какое-то высшее требование ко мне, чтобы я писал, как бы доказывая ему, показывая все, что я могу. Исчез высокий образец. Поэтому как Рейн написал, что ему скучно без Довлатова, так и я могу сказать, что мне скучно без Бродского.